

Наш человек

Кристиан Блэкшоу

Инна ФОМИНА

.....
Такое — совершенно справедливое, на мой взгляд, — определение английскому пианисту дал на концерте в Большом зале консерватории один из слушателей.

Наш — не потому, что в молодости Блэкшоу стажировался в Ленинградской консерватории. И даже не потому, что более 20 лет его творческая жизнь связана с Россией: он участвовал в V Конкурсе Чайковского, в 1978-м стал лауреатом VI (кстати, на Конкурсе Чайковского именно русские и англичане обычно становились главными соперниками), затем приезжал на гастроли. И не оттого, что не раз играл с нашими дирижерами — Федосеевым, Синайским, Гергиевым. Близким нашему сердцу его делают духовная наполненность и благородство игры, свойственные русской исполнительской школе. Где нет сверхскоростной и сверхгромкой “атаки” на публику, а есть таинственное и тем не менее осязаемое слушателем выявление Души музыки.

В концерте прозвучали До минорная соната Моцарта (Блэкшоу признан одним из лучших исполнителей сочинений этого композитора и сей-

час готовится записать все его сонаты), Фантазия До мажор Шумана (“Я просто очень люблю эту музыку”, — объяснил свой выбор пианист) и 24 прелюдии Шопена (“Для меня это почти премьера, поскольку играю их только второй раз в жизни”, — добавил он) — хрестоматийные вещи, жемчужины фортепианного репертуара, проверяющие исполнителя на духовную зрелость и душевную тонкость. И к радости поклонников, Блэкшоу оказался достойным “соавтором” этой музыки. Рояль под его пальцами буквально пел. Благородный звук, “многослойность” музыкальной ткани, искренность и влюбленность в исполняемую музыку — вот что привлекает в исполнительской манере этого прекрасного артиста.

К сожалению, в последние годы сцену БЗК нередко посещают исполнители среднего (и ниже среднего) уровня — то разрекламированные вундеркинды, то потухшие на Западе наши эмигранты, то заграничные “темные лошадки”. Таковы реалии нашей концертной жизни. Тем приятнее вновь услышать старого знакомого, лауреата Конкурса Чайковского, оставшегося Музыкантом и сохранившего ответственность перед самой влюбчивой и самой строгой в мире московской публикой. Нашего человека, короче!

Кузьмина. — 1996. — 23 марта. — С. 9.